

Я давно хотел Таню, но как-то не предоставлялся случай. И вот однажды наши родители собрались в деревню. Я и Таня должны были остаться дома, так как ехать было далеко, а учёба ещё не кончилась, и мы бы не успели вернуться к понедельнику. Поэтому родители приняли решение оставить нас дома. Я обрадовался, ведь более удачного случая могло бы и не быть. Представляете, целых два дня, в течение которых я мог познать Танюшу, и никто не мог помешать мне в этом. Как только я подумал об этом, почувствовал, как семя зашевелилось во мне, а плоть стала заметно твёрже.

Теперь надо было как-то намекнуть Тане о своём желании её. Когда я намекнул ей в первый раз, она покраснела и ответила, что нельзя. Я не стал настаивать, а только отошёл, чтобы снова ринуться в бой. У меня были ещё четыре дня, и пока я просто наслаждался видом Таниных ног, потому что она ходила в юбке, открывавшей её коленочки. Они были словно яблочки, и мне так и хотелось приложиться к ним, и потом естественно развести...)

В течение этих дней я ещё раз 6 напомнил ей о себе, 2 раза даже пытался задрать ей подол, так как вид её ног настолько меня возбудил, что я боялся, что семя вытечет прямо сейчас. Возбуждение сделало меня наглым, хотя боялся, что Танюша всё расскажет маме, и тогда мне точно не придётся лазить на неё. Но моё предчувствие не оправдалось, Таня ничего родителям не рассказала, а напротив в последний день дала согласие, и даже больше — сама подняла подол, дав мне возможность погладить её ноги, а заодно убедиться в её готовности к любви. Когда я гладил её ноги, Таня потекла, что вызвало у меня естественный восторг, что ещё может быть лучше, когда дева, которую ты собираешься любить начинает течь тебе в руку. Кроме того, это случилось как раз накануне соития, что ещё раз подтвердило моё мнение — Таня созрела.

Тогда я ещё не знал, что она давно хотела быть любимой но боялась. Её комната была рядом с комнатой родителей, и она часто слышала по ночам скрипы кровати и радостные мамины крики и стоны. Когда в очередной раз мама начинала стонать под папой, то Таня не засыпала, она слушала, и ей хотелось, чтобы её вот также кто-то пронзил своим копьем; однажды под эти звуки у неё между ног что-то потекло. Она думала, что пришли регулы, но утром не было крови. Это была первая течь любви.

Вторая случилась, когда я гладил внутреннюю поверхность её красивых бёдер. Мои руки были мокрыми и липкими от слизи любви, которая всё вытекала на её бёдра, про её трусики и говорить нечего — они были настолько мокрыми, что хоть выжимай. Сока было столько много, что если бы я взял её прямо сейчас, то всё получилось бы само собой, без боли и крови, но я решил подождать до завтра. Завтра все уедут, и никто не услышит звуков любви; никто не увидит окровавленную простыню и мы можем все два дня не выходить из спальни — ведь нам будет некогда. Всю ночь я проворочался в постели не в силах заснуть.

Орган был настолько твердым, что головка больно натягивала простыню, а яички тянуло вниз. Да и сестрёнка тоже не спала в предвкушении сближения. Под утро она встала, накинула халат и прошла мимо моей кровати. Я притворился спящим. Я услышал тихий шелест воды, и понял что Таня пошла в ванную. «Наверное подмывается» — подумал я. Через несколько минут она зашла в комнату, и прошла к своей кровати что-то держа в руках. Она сунула под подушку то, что держала в руках, и когда она это делала, то я догадался, что это были её трусики. Это было так приятно, сестра готовилась. А вчера вечером, я видел, как она застелила свою кровать чистой простынёй. Так что всё было готово. Как только утром за родителями захлопнулась дверь, я перебрался на кровать к сестре. Я откинул одеяло и лёг рядом. На ней была короткая ночная сорочка, открывавшая бёдра. Я стал нежно поглаживать внутреннюю поверхность её бёдер, и она вскрикнула, когда пальцы добрались до того самого влажного, возбуждённого места. Она судорожно сжимала ноги вокруг моей руки.

Она дрожала, чувствуя моё дыхание с внутренней стороны бедра, а ноги её раздвигались всё шире. Я быстро раздвинул её ноги. Я поцеловал её в нижнюю часть живота, прижал губы к внутренней стороне её бедра и начал покрывать его поцелуями. Ноги её чуть было не сомкнулись, когда я достиг самой сердцевины её сладострастия. — Мне не терпится погрузиться в тебя — прошептал я. Моё возбуждение стало болезненным при виде её длинных стройных ног и треугольника тугих завитков внизу живота. Я провёл рукой по её телу, от нежной груди до обнажённого бедра, наслаждаясь мягкостью и упругостью кожи.

Я проник пальцами в неё. — Ты такая мокрая, — сказал я, почти не отрываясь от её губ. — Восхитительно. Ощувив набухший бугорок в самом верху её расщелинки, я стал осторожно его гладить, от чего Таня стала вздыхать. — Я возьму твою невинность, — прошептал я ей в губы, — нанесу рану там, где до меня никто не был раньше, и когда прольётся кровь, наша любовь станет истинной. Она вздрогнула и напряглась всем телом. Срамные губы. Да, именно так называется это место по-латыни. Она хотела сдвинуть ноги, но я прижал локтём её колено.

Мои пальцы сделались влажными и скользкими. Я навалился на неё всем телом. Моё копье оказалось именно там, где следовало, и упёрлось в ту самую сокровенную точку между её ног. Я приподнялся и рукой направил своё копье. Она содрогнулась с такой силой, что под нами закрипела кровать. А я нанёс один сильный, мощный удар и замер, погрузившись в неё до конца. Она вскричала, её тело напряжённо сжалось: как будто что-то лопнуло у неё внутри. Мгновенная боль, сменившаяся лёгким жжением, застала её врасплох. Она затаилась, свыкаясь с новым ощущением: я был там, внутри.

Наконец я счёл возможным начать двигаться снова. И с каждым моим движением жжение внутри слабело. Она как бы со стороны услышала собственные всхлипы, когда мускулы её бёдер и ягодиц сжались вокруг моих пальцев и потом разжались. Когда я задвигался внутри неё, она застонала и заметалась подо мной, сжимая пятками мои ягодицы. Когда наслаждение настигло её она снова вскрикнула. Моя плоть запульсировала в её тугом лоне. Я взорвался, наполнив всю её горячим и густым семенем, я излил своё семя в её лоно, излил восхитительно глубоко.

Таня всхлипнула, и закрыла глаза. Я отодвинулся и увидел кровь на её восхитительных бёдрах и простыне.

*Конец.